

Виктория Визорина

Сталь в бархате

Книга первая

Энтор. Замок Нелвер

Ветер выл и стонал на разные голоса подобно стае взбесившихся демонов. Каждый, кто рождался здесь, на вершине скалы, привыкал к этим звукам и не обращал на них внимания. Но редкие гости уже через час начинали испытывать беспокойство и раздражение, а спустя три часа мечтать о том, чтобы поскорее покинуть замок. Недаром его называли Нелвер — Сердце Ветров. Здесь никто не мог сказать, откуда подует ветер через минуту и что принесет с собой: ледяной холод неприступных горных вершин или жаркое дыхание пустыни, аромат трав и цветов или соленые брызги морского прибоя.

Крон плотнее запахнулся в плащ и вжался в расщелину скалы. Он не покидал свой пост скорее из упрямства, чем по необходимости. Его старший брат и повелитель Энтора Халон не нуждался ни в помощи, ни в охране. С этого места Крон не мог слышать разговор брата с неожиданным гостем. Он только видел их фигуры на фоне свинцово-серого

неба, но все же напряженно прислушивался в надежде, что ветер случайно донесет до него хоть пару слов.

Чужие редко появлялись в Нелвере, и не только вой ветра был тому причиной. Замок, высеченный из вершины неприступной скалы, господствовал над цветущей Энторской долиной. Сам Великий Город в окружении садов и виноградников простирался внизу на юго-восток от замка. С суровых башен открывался изумительный вид на золотые крыши и мощные полудрагоценным агритом улицы, но люди и животные с такой высоты казались песчинками на чудесной вышивке бисером и шелком. Лес, окутывая город зеленым облаком, достигал восточного подножия Нелверской скалы. С юга тянулись унылые каменистые пустоши, переходящие в песчаные барханы. С севера громоздились величественные, покрытые вечными снегами горы, а на западное подножие скалы день и ночь обрушивали свой гнев седые океанские волны.

Ни одна дорога не вела к воротам Нелвера, да и не было в замке никаких ворот. Грозные скалы поднимались отвесной стеной, и на этих неприступных склонах нельзя было найти ни выступа, ни трещины, достаточных для того, чтобы зацепиться, не говоря уже о тропинке. Нужно было очень захотеть добраться сюда или получить

приглашение от самих хозяев, что случилось нечасто.

Нынешний посетитель был в прямом смысле слова незваным гостем. Советник Гарил занимал высокий пост при дворе Единого Владыки Райна, а отношения между Энтором и Райном всегда были довольно прохладными.

Когда-то Вселенная состояла только из Эмона — множества миров, населенных людьми, и Энтора — мира Бессмертных. С высоких башен Нелвера правили всем, что тогда существовало, используя Силу. Люди поклонялись Бессмертным, возводили им храмы, приносили жертвы и называли Богами. Но среди обитателей Вечного города нашлись те, кто выбрал Путь Знаний. Они пытались управлять законами Вселенной с помощью научных исследований. Злые языки утверждали, что большинство отступников с рождения обладали малой Силой, но большими амбициями и не желали быть на вторых, а то и третьих ролях мелких божков.

Путь Знаний оказался долгим и нелегким, но все же привел к ощутимым успехам: отступникам удалось создать свой мир — Райн. Среди жителей Вечного Города у них были родственники и друзья, поэтому глухое недовольство не выплеснулось в открытую вражду. Энтор смирился с тем, что существует другой Путь и по нему идет немало

Бессмертных. Но жители Вечного Города всегда смотрели на обитателей районских садов с презрением. Их считали наглými и слабыми занудами, что вечно сохнут над пробирками в своих лабораториях. Жители Райна, в свою очередь, представляли энторцев грубыми и невежественными дикарями, которые бездарно прожигают время в погоне за удовольствиями.

Так продолжалось долгие века, пока не возник третий мир Бессмертных, названный Хаден. История повторилась. Один из приближенных Единого Владыки Райна выбрал запрещенный Путь Магии. У него нашлись последователи и хватило ума высказать свое подчинение Энтору.

Новым отступникам позволили занять болотистые Хаденские пустоши вблизи границ Вечного Города. Хаден заключил с властителями Энтора союз, в котором колдуны признавали их королями, а себя — вассалами.

Такой хитрый политический ход спас магов от немедленного истребления. Возникновение нового мира Бессмертных Райн воспринял как смертельную угрозу. Между Хаденом и Райном немедленно вспыхнула жестокая война.

Обе враждующие стороны понимали, что им ни за что не выдержать борьбу на два фронта. Война с Энтором означала собственную скорую и бесславленную гибель. Поэтому военные действия

велись в основном на нейтральной территории — в мирах Эмона.

В этом противостоянии Энтор занял мудрую позицию невмешательства, с презрением взирая и на тех, и на других. Возвышение Хадена или Райна было невыгодно властителям Сердца Ветров, ведь оно означало полную потерю влияния на мир людей. Холодный нейтралитет с одними и формальный союз с другими позволял им сохранять и свое богатство, и остатки бывшего могущества.

Несмотря на вассальные обязательства, Повелитель Хадена вел собственную политику, в которую Энтор практически не вмешивался. Союз двух миров сводился к тому, что их правители оказывали друг другу мелкие услуги, а рядовые жители Хадена предпочитали отдых на берегах Вечного Океана ядовитым испарениям родных болот. Поэтому на улицах Великого Города довольно часто можно было встретить темную накидку мага или остроконечную шляпу ведьмы.

Гордые энторцы снисходительно принимали льстивое поклонение обитателей хаденских пустошей, хорошо зная ему цену. Коварные и жестокие колдуны также прекрасно понимали, что их только терпят. Они завидовали богатству и славе Энтора и втайне ненавидели его за необходимость подчиняться, пусть и для вида.

Кроме политических разногласий у Халона с Владыкой Райна были личные счеты. Он не забыл, как его жена Тэна покинула замок ради юноши с золотым обручем в каштановых кудрях. Хотя на такие вещи в Энторе смотрели весьма философски и роман Нелверской королевы с юным обитателем райенских садов длился недолго, но осадок, что называется, остался. Хуже было в то, что Тэна в замок не вернулась. Оставив и мужа, и маленького сына, и юного возлюбленного, она бесследно исчезла. Халон подозревал, что именно Единый Владыка Райна сыграл в этом исчезновении главную роль. Этот лицемер постоянно болтал о чести и долге, настраивая прямодушную королеву против царивших в Энторе довольно свободных нравов.

Загадочное похищение новорожденной принцессы Итри, первого ребенка Халона и Тэны, которое произошло за несколько лет до этого, энторская молва также приписывала проискам Райна. Доказательств не было никаких — ни прямых, ни косвенных, иначе холодный нейтралитет давно бы сменился беспощадной войной. Но в Нелвере все, от посудомойки до самого Халона, были убеждены, что принцессу похитили по приказу Единого Владыки.

Не удивительно, что представителей Райна в Энторе мягко говоря недолюбливали. При таких

обстоятельствах появление в замке самой высокопоставленной после Владыки особы у кого угодно вызвало бы удивление. Крон с презрением посмотрел на серебристый эллипс пространственно-временной капсулы, который тускло поблескивал в нескольких шагах. Визит Советника считался неофициальным, но было ясно, что прибыл он по распоряжению Единого Владыки. Воспользоваться генераторами сверхэнергий тайком, без его ведома, было просто невозможно, а предположить, что Гарил использовал Силу или Магию, мог только человек, ничего не смысливший в истинном строении Вселенной.

Черный плащ реял за могучими плечами Халона. Бешеные порывы ветра разведали и белое одеяние низкорослого тщедушного посетителя. Оно трепетало за спиной как два белых крыла, а в светлых волосах блестел тонкий золотой обруч. Крон подумал: издали это в самом деле похоже на крылья и нимб. Наверное, поэтому люди так изображают соплеменников их гостя. Жителям Эмона свойственно все преувеличивать или искажать, словно они смотрят сквозь кривое стекло. Даже слово «анделл» (так называют себя жители Райна), они произносят «ангелы», а их страну называют просто «Рай», точно так же коверкают «Хаден» вовсе превращая это название в «Ад».

При мысли о большинстве населения Вселенной губы Крона искривила усмешка. Чего не отнять у глупых и никчемных людишек, так это буйной фантазии. Каких только небылиц не рассказывают они о Трех Мирах Бессмертных! Надо же такое придумать: называть жителей Великого Города демонами! Для начала в языке Бессмертных и слова-то такого нет. Это опять же искажение от «д'амун» — так величают себя хаденские маги, а они имеют к владыкам Нелвера такое же отношение, как собака в будке имеет отношение к хозяину подворья. Жители Великого Города никогда не унижаются до использования магии, и никогда не превращаются в чудовищ, чтобы произвести впечатление, как сплошь и рядом делают колдуны. А Повелитель Хадена так и вовсе не снимает свою жуткую личину, вынуждая приближенных всюду таскать за ним его мерзкий хвост! Должно быть, в таком виде он сам себе кажется значительнее.

Конечно, «д'амун» называют обитателей Великого Города Старшими и Лордами, но каждый ребенок в Энторе знает цену такой лести. Не будь любой из них во много раз сильнее самого искусного мага, хитрые и коварные чародеи давно бы захватили власть над Энтором. А так они лишь распускают слухи и плетут интриги, стремясь рассорить между собой всех, кого только можно. К

сожалению многие из соотечественников Крона поддаются на их уловки. Занятые склоками между собой, они все больше теряют влияние на миры людей, что на руку и колдунам, и анделл.

Давно миновало время, когда люди поклонялись лишь властителям Нелвера, сооружали в их честь величественные храмы и приносили многочисленные жертвы. Все больше миров Эмона поют хвалы Владыке Райна, прельстившись ложными чудесами анделл, а древние храмы зарастают сорной травой... Сила и храбрость теперь не в чести, воинов и героев сменили торговцы... Ох, не зря Всемогущий Создатель Миров покинул их Вселенную и удалился неведомо куда! Создавая Энтор и многочисленные миры Эмона, разве думал он, что его дети погрязнут в склоках и сварах, плодя ложь и ненависть, вместо того, чтобы заселять и совершенствовать созданное?

Крон тяжело вздохнул и снова взглянул на брата и его необычного собеседника. Между тем Халон и его странный гость раскланялись, и наблюдатель понял, что разговор окончен. Анделл, путаясь в длинном одеянии, которое нещадно трепал ветер, защищаясь от его жестоких порывов рукавом, с трудом забрался в капсулу и закрыл дверцу. Вспыхнул серебристо-голубой огонь, раздался треск, капсула задрожала и стала медленно

таять на глазах. Огонь вскоре погас, но едва заметный силуэт эллипса еще долго висел в воздухе над верхней площадкой Сторожевой Башни. Крон вышел из своего укрытия и приблизился к брату, но Халон не обращал на него внимания, продолжая смотреть на этот силуэт, пока он не исчез без следа. Только потом властитель Энтора повернулся, и его хмурое лицо не предвещало ничего хорошего. Крон ожидал, что сейчас узнает о причинах столь странного визита, но вместо этого Халон неожиданно спросил:

— Где Рамейдо?

Этот вопрос застал Крона врасплох, и он слегка запнулся, прежде чем ответить.

— Утром вернулся из города.

— Я спрашиваю: где он сейчас? — раздраженно прошипел Халон.

— Боюсь, что у Аретис... — смущенно отводя глаза, ответил младший брат.

— Что?! — взревел властитель Энтора. — Я же ему запретил!

И, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, он стремительно спустился вниз по лестнице с башни в главные покои замка. Широко шагая, разгневанный старший брат быстро пересек несколько залов и коридоров. Крон едва поспевал за ним.

Строгая роскошь в убранстве комнат вскоре сменилась роскошью изнеженной. Геометрические орнаменты ковров превратились в цветочные узоры, витражи в стрельчатых окнах спрятались за кружевными занавесками, открытые дверные проемы скрылись в легких драпировках. Вместо суровых и молчаливых слуг, похожих на могучих воинов, стали попадаться хорошенькие босые служанки в соблазнительных полупрозрачных одеяниях. Они с тихими возгласами разбежались в разные стороны при виде огромной фигуры своего господина, роня в испуге, кто букет цветов, кто чашу с ароматной водой для омовений.

С каждым шагом Халон все больше закипал от гнева, а Крон все больше отставал, пока окончательно не потерялся среди колонн, увитых живыми цветами и тончайшей кисеей. Наконец, властитель Энтора очутился перед дверным проемом, занавешенным синим шелком. Из-за расшитой золотом занавеси доносился нежный мелодичный смех. Прямо перед ним выросла красивая девушка, едва прикрытая голубой прозрачной тканью, словно ее стройную фигурку таинственным образом породили складки синего шелка и ароматный дым двух каминов по сторонам двери. Она хотела преградить путь Халону, но он так взглянул на прислужницу, что

девушка вновь исчезла среди бархатных подушек и высоких ваз с душистыми ветками сирени.

Ключья шелка разлетелись по сторонам, и Халон вступил, пригнувшись на пороге, в низкий зал со стенами из синего стекла и полом, устланным бархатом цвета ночного неба. Хрустальные шары-светильники отражались в зеркальном потолке, в маленьком бассейне плескался невидимый фонтан, бледные розы плавали в широких стеклянных чашах на изящных подставках из драгоценного розового дерева.

Посреди зала на круглом ложе, покрытом серебристым мехом, лежала обнаженная золотоволосая женщина невероятной красоты и черноволосый юноша, почти ребенок. Их тела — белоснежное и золотисто-смуглое — словно светились изнутри.

При виде этой прекрасной картины Халон издал низкий звериный рык. Золотоволосая красавица и ее юный любовник испуганно вскочили.

— Отец! Брат! — воскликнули они практически одновременно.

— Разве я не запретил тебе появляться на этой половине замка?! — сквозь стиснутые зубы прошипел властитель, испепеляя сына грозным взглядом.

— Что плохого в том, что мальчик кое-чему научиться? — спросила, заступаясь за юношу, женщина.

— Твои служанки и так научили его всему и даже многому, чего в его возрасте и знать не следует! — рявкнул рассерженный отец. — Довольно, что ты испортила остальных моих детей, но я тебе не позволю избаловать и изнежить Рамейдо!

— Ты ревнуешь? — лукаво изогнула бровь красавица.

— Много чести для такой шлюхи, как ты, — фыркнул Халон.

— Не зли меня, брат, — оскорбленная женщина вскинула голову и золотые локоны рассыпались по полу — такие они были длинные. — Я могу проклясть тебя!

— Не пугай меня своим проклятием, Аретис! Ты не посмеешь! И знаешь почему? Потому, что не захочешь следующие тридцать лет своей жизни провести на гнилой соломе в обнимку с крысами в подвале этого замка, — ядовито ухмыляясь ответил ей Халон, а затем вновь гневно взглянул на сына. — А ты немедленно убирайся вон! Чтобы я больше не видел тебя в Энторе! Можешь отправляться хоть в Райн, хоть в Хаден, хоть на задворки Эмона, но чтобы ноги твоей больше не было в Нелвере!

— За что, отец?

— За то, что ты нарушил мой запрет. Разве этого не достаточно? — прищурил глаза хозяин замка. — Вон, я сказал!

Юноша молча покачал головой, собрал свою одежду, разбросанную возле ложа, и вышел. Аретис с тревогой следила за ним.

— Что ты делаешь, брат? — спросила она Халона, ухватив его за кожаный, усыпанный шипами пояс. — Ты лишился жены, у тебя похитили дочь, теперь ты сам выгнал из дома любимого сына и наследника. С кем ты останешься?

— Пусть проветрится. Ему полезно. Нечего держать парня возле твоей юбки, — глядя на нее сверху вниз ответил мужчина. — Так ты мне испортишь мальчишку. Пусть посмотрит на мир и хлебнет всего: и хорошего, и плохого. Пусть сам разберется, что хорошо, а что плохо. А когда у него прибавится ума настолько, что твои чары уже не заставят его потерять голову, я его верну. И не пытайся помешать мне, Аретис. Я так решил и так будет!

— Ты не должен ревновать меня к нему, — длинные, украшенные крошечными бриллиантами ногти золотоволосой прочертили полосы на черном бархате, обтягивающем бедра Халона. — Он так похож на тебя в юности...

— Перестань, Аретис. Между нами давно все кончено и я никогда не вернусь в твои сети, — оттолкнул ее владелец замка и, не оборачиваясь, вышел из синего зала.

— Ты еще пожалеешь об этом! — прошипела женщина, бросив ему вслед подушку.

Хмуря брови, Аретис свернула волосы в узел и скрепила их алмазными шпильками, лежавшими на прикроватном столике, подобрала с пола черный шелковый плащ и набросила прямо на голое тело. Щелчок пальцами — и прямо перед золотоволосой в воздухе возникла светящаяся арка, за которой клубилась непроницаемая тьма. Женщина шагнула в портал и ее мгновенно окутала полная темнота, но это нисколько не смутило Аретис. Уверено ступая босыми ногами по невидимым во мраке ступенькам, она быстро спустилась в маленькую круглую комнату, освещенную робким светом подвешенной на золотой цепи масляной лампы в виде бабочки. В комнате стояло только большое зеркало в тусклой серебряной раме, а напротив него мягкое кресло, оббитое алым бархатом.

Опустившись в кресло, Аретис улыбнулась своему отражению.

— Не хочешь, чтобы мальчик привязался к бабской юбке, Халон? Прекрасно, пусть так и будет. Все, как ты желаешь, любимый! — захохотала она и, не колеблясь ни мгновения,

полоснула по запястью острием тонкого кинжала, извлеченного из-за рамы.

Кровь брызнула на стекло и вспыхнула золотым светом.

Женщина быстро зашептала что-то, разобрать можно было лишь «кровь и сталь», да еще «замкнутый круг». Золотой свет погас, Аретис удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Черный плащ окутывал ее фигуру мраком, собранные на темени волосы сверкали как алмазный венец.

— Зря ты думаешь, братец, что я позволю им встретиться, — прошипела красавица, сверкая глазами. — Никогда не склонюсь перед оружием этой святоши, твоей бывшей женушки! В подвале с крысами, говоришь? Что ж, посмотрим!

Крон нашел брата в зале, стены которого были увешаны знаменами и гобеленами с изображением различных битв. Халон, закусив губу, мерил шагами обширное пространство между огромным камином, в котором пылал целый ствол дерева, и дверью.

— Что ты наделал, брат?

— Не лезь в это дело, Крон! — предупреждаяще поднял руку старший. — Где Боннерг?

В следующее же мгновение одна из фигур на гобелене стала расти, увеличиваться в размерах,

обретать форму и вскоре перед братьями стоял высокий старик с длинной седой бородой в черной бархатной мантии, украшенной драгоценными камнями. Он слегка поклонился, приложив руку к груди. Это и был Боннерг — самый могущественный из хаденских магов, который жил в Нелвере со дня рождения Рамейдо, чтобы оберегать наследного принца. Повелитель Хадена прислал его в Энтор по просьбе Халона, обеспокоенного тем, чтобы сына не похитили так же, как перед этим дочь. Злые языки утверждали, что хаденский Повелитель был даже рад избавиться от старика, магия которого была едва ли не сильнее, чем его собственная.

— Я к твоим услугам, мой господин.

— Ты уже все знаешь?

Старик еще раз молча поклонился.

— Я хочу, чтобы Рамейдо отправился куда-нибудь на край света, подальше от лицемеров Райна и твоих лукавых соотечественников, — озабочено нахмурился Халон. — Пусть поживет среди людей Эмона. Покажи мне карту.

Старик поднял руки и сделал несколько движений кистями, беззвучно шевеля губами. В воздухе над его головой появился светящийся шар из золотистых искр, затем этот шар рассыпался на отдельные искорки, которые расплылись и повисли в пространстве, образовав знакомый Крону узор

созвездий. Халон ткнул пальцем в маленькую искорку на самом краю «карты».

— Сюда, например. Это планета класса ЭС-два?

— ЭС-один, — ответил волшебник.

— Сойдет, — небрежно бросил властитель. — Я хочу всегда знать где он и что с ним происходит, чтобы уберечь мальчика от ошибок. Но он не должен об этом догадываться. Это возможно?

— Нет никаких препятствий, — развел руками старик.

— Надеюсь, ты сдержал свое слово, Боннерг, и мой сын ничего не знает о своей Силе? — строго спросил Халон колдуна. — И ты не научил его никаким своим магическим фокусам?

— Мне даже обидно слышать такие вопросы, мой господин, — улыбнулся старик. — Я не так глуп, чтобы поступать вопреки воле великого Халона.

— Прекрасно. Пусть надеется только на самого себя и на свой меч, — кивнул правитель. — Это испытание пойдет ему на пользу. Парню пора расправить собственные крылья и научиться обходиться без твоих мудрых советов и моих подсказок.

С этими словами Халон вышел из зала. Теперь выражение его лица вновь стало спокойным. Золотые искры «карты» погасли.

Крон подумал, что все это несколько странно. От его наблюдательного взгляда не укрылась одна интересная деталь: прежде чем ткнуть якобы наугад в одну из искорок на «карте», его брат немного задержался, словно искал эту искорку глазами. Но Крон, конечно же, ничего не сказал об этом хаденскому магу.

Атавия. Дорога на Тан-Рион

Поначалу Дарнок не обратил на этого юношу никакого внимания. Неизвестный догнал его у самой переправы, и они спешили практически одновременно.

Поскольку других желающих переправиться через Сольж не было, а незнакомец, казалось, никуда не спешил, Дарноку пришлось самому подгонять разомлевшего от жары и безделья перевозчика громким окриком и звоном монет.

Впервые он пристально пригляделся к своему случайному попутчику, когда заводили лошадей на плот. Дарноку пришлось тянуть за узду и понукать своего каурого, а вороной жеребец незнакомца последовал за хозяином спокойно, без узды и понуканий, словно собака. Это крупное породистое животное вызвало у Дарнока невольное восхищение. Он залюбовался конем, а уже потом стал внимательно разглядывать и его хозяина.

Незнакомому юноше можно было дать лет шестнадцать. Тонкие черты его лица и выразительные темно-серые глаза сразу вызывали симпатию. Невысокого роста, стройный и худощавый, он был одет по последней столичной моде в костюм из золотисто-коричневого рубчатого бархата и высокие сапоги того же цвета. В прорезях широких рукавов куртки виднелось белоснежное тончайшее полотно рубашки. Широкие накладные плечи с валиками придавали фигуре мальчишки больше мужественности. Воротник рубашки и манжеты утопали в белой пене кружев. На густых черных волосах красовался лихо заломленный берет из коричневого бархата с белым пером. Широкий кожаный пояс с металлическими пластинами и шипами косо спадал на левое бедро.

На боку юноши висел меч в простых посеребренных ножнах с рукояткой, обмотанной кожаным ремнем. Последняя деталь сильно насторожила Дарнока. Парнишка выглядел как заправский щеголь, но ни один щеголь не стал бы прятать отделку рукоятки под ремнем. Таким приемом пользовались только наемники да старые опытные воины, чтобы в долгом бою не скользила вспотевшая от усилий ладонь.

Мальчишка не был похож на наемника. Не мог он быть и знатным господином. В этом случае его должны были сопровождать слуги. Для

богатого горожанина у него был слишком великолепный конь.

Пока Дарнок терялся в догадках, плот медленно продвигался вперёд. Он кашлянул пару раз, пытаясь привлечь внимание незнакомца, но тот не обращал никакого внимания на столь неуклюжие попытки и не проявлял ни малейшего желания завести беседу. Юноша стоял, скрестив руки на груди, и, не отрываясь, смотрел на речные волны.

— Благородный господин едет в Святой Город? — Дарнок все же решился завязать разговор.

У него были веские причины для любопытства: путешествие в одиночку небезопасно, не говоря уже о скуке. Если бы не важные известия, которые заставили молодого человека торопиться, Дарнок ожидал бы попутного каравана паломников или купцов и не рискнул бы отправиться в путь в одиночестве. До сих пор судьба его хранила, но он надеялся встретить попутчиков у переправы. Увы, кроме странного мальчишки никто не стремился на тот берег, а ждать Дарнок никак не мог. Поэтому он и позволил себе обратиться к незнакомцу, в качестве предполагаемого маршрута назвав свой собственный, в надежде приобрести хотя бы одного попутчика.

Незнакомец смерил его холодным равнодушным взглядом и молча отвернулся.

— Я к вам обращаюсь, сударь, — нахмурился молодой человек.

На этот раз он не удостоился даже взгляда. Дарнок хмыкнул и пожал плечами: если его игнорируют, зачем навязываться?

Наконец плот пристал к берегу. Пока Дарнок выводил каурого, незнакомец легко вскочил в седло и направился прочь легкой рысью. Пришлось удивиться ещё раз: мальчишка как-то странно держался верхом. Он так и не притронулся к поводьям, которые свободно свисали с передней луки седла, управляя конем одними коленями. Руки незнакомец держал небрежно заложенными за пояс, как бы демонстрируя свое удалство. Дарнок с изумлением заметил, что у него на сапогах нет шпор и напрочь отсутствуют стремяна!

Непринужденные и грациозные движения странного юноши заставили Дарнока отбросить мысль о возможных обстоятельствах, которые вынудили его ехать таким образом. Очевидно, это была привычная манера управления конем, очень удобная в бою — обе руки оставались свободными! Но в то же время всадник был лишен опоры в стремянах.

Пока Дарнок садился в седло, незнакомец значительно опередил его на прямой как стрела

дороге, и догонять его уже не было смысла. К тому же юноша явно не стремился найти попутчика, иначе он бы заговорил с Дарноком ещё у переправы или на плоту и подождал бы, пока он справится с норовистым каурым.

Оба всадника двигались по дороге в одном направлении примерно с одинаковой скоростью и, поэтому Дарнок долго не терял из вида загадочного путешественника. Так продолжалось до тех пор, пока юноша не приблизился к развилке. Ни на мгновение не останавливаясь, он миновал поворот решительно направляясь к Рионскому лесу.

Заметив это, Дарнок закричал:

— Эй, стойте! Остановитесь! Туда нельзя!

Но незнакомец, должно быть, не слышал окрика и продолжал свой путь.

— Стойте! Да стойте же, вам говорят! Назад!

Видя, что юноша никак не реагирует на его крики, Дарнок прищпорил коня. Незнакомец так и не обернулся, пока каурый не поравнялся с вороным, из чего он предположил, что странный путешественник либо глух, либо нем, а, скорее всего, и то и другое вместе.

— Стойте, прошу вас!

— Странный юноша остановился и уставился на Дарнока с холодным любопытством.

Вы едете в Тан-Рион? Тогда вам нужно было свернуть на эту дорогу, — молодой человек указал рукой назад, на развилку.

— Разве это не кратчайший путь в Святой Город? — спросил незнакомец, указывая на зеленую стену леса справа впереди.

Голос у него был красивый, бархатный, нежный, под стать всему элегантному и утонченному облику. Ага, значит и со слухом и с речью у этого гордеца все в порядке! Глупый щенок! Дарнок разозлился, но решил все же сделать скидку на «зеленый» возраст паренька.

— Это кратчайший путь на тот свет! — пояснил он, стараясь подавить раздражение. — В лесу свирепствует шайка Кровавого Пса. Одинокий путник для них — легкая пожива.

— Ну, это смотря какой путник, — иронично заметил юноша и, сделав рукой жест благодарности и прощания одновременно, снова тронулся вперед.

Дарнок рассердился не на шутку. Что за самонадеянный юнец! Он смотрел вслед незнакомцу, прикусив губу. Следовало бы предоставить этого зазнайку своей судьбе, но парень был слишком молод. Дарнок знал: он не сможет спать спокойно, думая, что имел возможность спасти паренька от глупой смерти и не сделал этого. Поэтому он снова подавил гнев,

пришпорил каурого и предпринял ещё одну попытку нагнать мальчишку.

На этот раз юный путешественник остановился и обернулся, поджидая его. Иронично приподнятая бровь и легкое недовольство пополам со скукой, написанные на красивом лице, заставили Дарнока стиснуть зубы от злости, но он все же сдержался, хотя и несколько повысил голос, пытаясь образумить мальчишку.

— Вы едете на верную гибель! В шайке не меньше двух десятков бандитов. Три года назад мы с одним купцом хотели здесь проехать. Я не первый год брожу по дорогам, да и купец был парень не промах — славно владел мечом. Да только зря голову сложил. Меня тяжело ранили, и я чудом спасся. Так что будь вы хоть небесный воин Горилий — все равно не проедете.

После этой проникновенной речи юноша посмотрел на него уже с интересом, как бы оценивая. Дарнок выглядел лет на десять старше мальчишки, на полголовы выше ростом и шире в плечах. Черты лица можно было бы назвать даже красивыми, если бы не страшный шрам, пересекавший лоб и левый висок — след от удара мечом, лишивший молодого человека левого уха. Этот недостаток частично скрывали густые темно-каштановые локоны, спадающие до плеч. Вдобавок на левой руке у Дарнока не хватало

безымянного пальца, а кисть уродовали следы давнего ожога. Еще у него была покалечена левая нога, из-за чего молодой человек немного прихрамывал.

То ли тревога в глубине теплых карих глаз говорившего, то ли его шрамы произвели на юношу должное впечатление, но он оглянулся назад, на развилку.

— Лучше ехать по той дороге, в объезд. Здесь все так ездят, — пояснил Дарнок уже спокойнее, заметив колебания юноши.

— Это большой объезд?

— Потеряете полдня. Зато сохраните голову на плечах и кошелек. Я еду в замок Моран. Это совсем рядом со Святым Городом, так что нам по пути. До вечера, правда, вы в Тан-Рион не попадете, придется заночевать в Моране. Но вы не пожалеете: наш барон очень гостеприимный хозяин. У нас отменная кухня, чудесные вина, мягкие пуховики и прехорошенькие служанки.

Незнакомец засмеялся, поворачивая коня.

— Звучит заманчиво!

Дарнок вздохнул с облегчением.

— По здешним дорогам вообще опасно ездить в одиночку, — продолжал он разговор.

— Но вы же ездите, — усмехнулся юноша.

— Что делать! Я тороплюсь, иначе не стал бы рисковать. Кто вам посоветовал ехать этой дорогой? Бездельник-перевозчик?

— Я сам ее выбрал.

Дарнок взглянул на него с изумлением.

— Вам знакомы эти места?

— Существуют карты.

— Ха! — фыркнул молодой человек, — Надежный источник — нечего сказать! Да наши ученые их рисуют больше руководствуясь своим воображением, чем истиной. А разбойники ни на одной карте не обозначены. Эти земли принадлежат моему господину. Я здесь каждый кустик знаю, так что с дороги не собьюсь. Позвольте представиться: Дарнок, оруженосец барона де Моран.

— Рес, — поклонился в ответ незнакомец.

Этот поклон был просто эталоном изящества и элегантности. Странное имя юноши, явно чужеземное, похожее на звук меча, рассекающего воздух, стало для оруженосца еще одной загадкой. Рес не был похож на чужестранца, по крайней мере, его невысокий рост, темные волосы и хрупкое телосложение были типичными в Серединных Землях. Да и говорил он без малейшего акцента, хотя его произношение следовало бы назвать скорее столичным, чем местным. Но если парень прибыл из столицы, то как он оказался на этой дороге? Ведь каждый, кто ехал в Тан-Рион из

Артрозы, должен был попасть в Святой Город с северо-востока, а не с юго-запада!

— Едете с Побережья? — полюбопытствовал Дарнок, пытаясь пролить хоть какой-то свет на эту цепь странных обстоятельств.

Рес кивнул.

— Впервые в наших краях?

Снова молчаливый кивок.

— Черт побери, а вы немногословны! — взорвался оруженосец.

— И не любопытен, — отрезал его новый попутчик.

От такой отповеди Дарнок рассердился и замолчал. Вот невоспитанный щенок! Ведь он практически спас ему жизнь! Стоило гнаться за этим заносчивым сопляком и хамом, уговаривая его свернуть с опасной дороги через Рионский лес и теряя драгоценное время!

Так они ехали молча бок о бок с четверть часа, и оруженосец ругал сам себя за некстати проявленную добросердечность и благородство. Внезапно Рес заговорил сам, как ни в чем не бывало.

— Что же ваш барон не наведет порядок в лесу?

— Лес — королевский, — нехотя отозвался Дарнок.

— Ну, тогда король.

— Так он далеко. В Артрозе.

— И ему нет дела, что в его лесу грабят и убивают? А местные жители? Почему не соберутся вместе и не прочешут лес?

— С кольями и вилами в руках? Против вооруженных до зубов бандитов? Постоять за себя при необходимости они, конечно, сумеют, но в серьезную драку не полезут. Крестьяне у нас смирные. Житьё у барона сытое и привольное, не то, что у других господ. Только много сброда разного по дорогам шатается. В Тан-Рион идут караваны паломников, а с ними всякое жулье да воры. Так и рыщут, чего бы стянуть у путников, и у местных жителей не побрезгуют прихватить, что плохо лежит. Ворота Святого Города всем открыты, приезжих много. Для разного отребья в наших краях полное раздолье. Жулика колом обработать или вора за ноги на осине подвесить — это наши крестьяне вполне способны, особенно, когда десять на одного. Но в настоящий бой...

Дарнок с усмешкой покачал головой.

— Тогда пусть наймут лихих молодцев и выкурят из леса эту шайку.

— А кто будет оплачивать их работу?

— Ну, тогда пусть грабят, — усмехнулся Рес.

Внезапно он остановился и поднял руку, как бы предостерегая. Дарнок придержал каурого и огляделся, но ничего подозрительного не заметил.

Дорога была пуста. Тогда юноша коснулся одной рукой его локтя, а другой указал на темное облачко впереди, почти у самой земли. Только очень острый и наблюдательный глаз мог заподозрить в этом невинном объекте предвестника беды. Оруженосец его совсем не заметил, но Рес сразу пояснил свои опасения.

— Что-то горит, — посылая вороного вперед, произнес он.

Пожав плечами, Дарнок на всякий случай тоже ускорил бег своего коня.

Через четверть часа темное облачко превратилось в столб дыма, и ветер донес сперва едва различимый, а затем стойкий запах гари.

— Вот дьявол! — теперь уже оруженосец сам пришпорил каурого, сворачивая с дороги по направлению к месту пожара.

Путникам пришлось обогнуть холм, на время заслонивший от них дым, преодолеть несколько канав и изгородей. При этом Дарнок убедился, что его юный спутник — отличный наездник и даже без стремян прекрасно держится в седле. Наконец они миновали небольшую рощу и увидели деревню, лежавшую в ложбине между двух низких холмов. Горел крайний от дороги дом. Крестьяне суетились вокруг, стараясь не столько спасти строение, сколько не допустить дальнейшего распространение огня. Возле самого пожара, в опасной близости

от огромных языков пламени, стоял, словно в оцепенении, молодой крестьянин. Неподалеку качалась по земле и выла молодая женщина.

— Что тут такое? — крикнул оруженосец, обращаясь к старику, стоящему поодаль.

— Это вы, господин Дарнок? Беда у нас, спаси Святой Аствар! Никто и не знает, как занялось. Хозяин-то, вон стоит, в поле был. А женка к соседке отлучилась. Оно и полыхнуло, охнуть никто не успел. Вон она воеет. В доме двое мальчишек осталось, годка по два. Вот и убивается, сердечная.

— Что же вы стоите? — оруженосец мигом слетел с седла, торопливо привязывая испуганно фыркающего коня к ограде и огляделся. — Детей спасти надо!

— Да как их спасешь! Вон ведь как горит! Скоро и крыша рухнет...

— А, черт! — хромая, Дарнок побежал к колодцу, на ходу стягивая куртку.

— Лей на меня! И на одежду лей! — приказал он одному из крестьян, таскавшему деревянной бадьей воду.

Тот не сразу сообразил, что от него требуется, и оруженосцу пришлось повторить свой приказ.

— Куда же вы, господин! Святой Боже! Стойте! Остановитесь! — внезапно закричали вокруг.

Набрасывая мокрую куртку, Дарнок не сразу понял, что кричат не ему. Он обернулся и увидел, как маленькая фигурка в золотистом бархате нырнула в пламя.

— Куда!?! В сухой одежде! Стойте! — он бросился вперед, но резкий порыв ветра швырнул ему в лицо едкий дым и пепел.

Оруженосец едва не задохнулся, а пока откашлялся, прикрываясь мокрой курткой от летящих искр, пламя успело охватить весь дом. Его острые грозные языки, казалось, лизали небо. В растерянности Дарнок стоял, опустив руки и понимая тщетность любых усилий. Внезапно раздался страшный треск, и обрушилась крыша, разбрасывая далеко вокруг снопы искр. Оруженосец инстинктивно отскочил. Хозяин дома упал на засыпанную пеплом траву, обхватив голову руками. Женщина перестала выть, а только молча билась головой о землю. Замерли в молчании и потрясенные крестьяне. Над пожарищем повисла тишина, нарушаемая только треском огня.

На глаза оруженосца навернулись слезы, и причиной тому был не только едкий дым. Ему стало жаль малышей, сгоревших заживо, их несчастных родителей, которые в одночасье лишились не только двоих детей, но и всего имущества. А еще ему было жаль красивого странного мальчика, которого он так и не смог уберечь сегодня от

смерти. Видно на роду было написано Ресу умереть в этот день: не от руки разбойника в Рионском лесу, так от огня.

Дарнок смахнул непрошеную влагу мокрым рукавом и внезапно услышал за спиной негромкий ироничный голос.

— Очень мило с вашей стороны, Дарнок, оплакивать гибель моего единственного костюма.

Оруженосец резко обернулся. Позади него стоял Рес весь в саже и копоти. Под мышками он держал двух не менее чумазных крестьянских ребятишек, которые перепугано таращили глаза и молчали. На голове юноши вместо щегольского берета сидела обезумевшая от ужаса рыжая кошка, судорожно вцепившаяся в волосы своего спасителя. Дарнок от изумления открыл рот. Он не верил своим глазам. Все крестьяне смотрели на догорающий дом и пока не замечали происходящего.

— Да снимите же с меня, наконец, эту чертову кошку! — воскликнул Рес.

Комичность ситуации только сейчас проникла в сознание оруженосца, и он принялся истерически хохотать. На его смех обернулись крестьяне. Рес поставил на землю обоих малышей, и они дружно, словно по команде, во весь голос заревели.

— Быстрее, Дарнок! Хватит смеяться! Нам нужно как можно скорее удирать отсюда!

Юноша схватил оруженосца за руку и буквально потащил к лошадям. Дарнок не ожидал, что в этом мальчишке столько силы. Испуганные огнем и криками лошади отчаянно рвались с привязи.

— Быстрее, быстрее!

Рес уже отвязал лошадей и прыгнул в седло, бросая повод Дарноку. Еще через мгновение они мчались во весь опор по дороге прочь от пожарища. Крестьяне что-то кричали им вслед, но в ушах оруженосца свистел ветер и он ничего не разобрал, а вскоре крики стихли вдали. Он не совсем понимал, чем вызвана такая спешка, и, после того, как злополучное место осталось далеко позади, придержал не в меру разгоряченного коня. Ему не сразу удалось это сделать, но оба всадника, в конце концов, перешли на легкую рысь, а затем и на шаг.

— Почему это мы несемся так, будто за нами гонятся черти? — спросил Дарнок недоуменно, переводя дух.

— Не черти, а благодарные крестьяне. Вы ведь, кажется, торопитесь, а хвалебные речи и всеобщие проявления восторга занимают немало времени, — пояснил Рес, сворачивая с дороги.

— Впервые встречаю человека, который гоняется за неприятностями и бежит от благодарности, — проворчал оруженосец, следуя за ним.

Юноша неспешно трусил через поле по направлению к одной из небольших рощиц, разбросанных по окрестностям. Когда они въехали в тень деревьев, лошади окончательно успокоились. Здесь протекал мелкий чистый ручеек. Вороной заторопился к воде, но его всадник спешился и привязал лошадь к ветке дерева, а затем расседлал и принялся обтирать травой, тихо нашептывая что-то. Дарнок поступил точно так же. Только потом они напоили лошадей и отпустили полакомиться молодыми веточками и сочной травой.

Дарнок молча признал необходимость короткого отдыха после такой бешеной скачки. И, конечно же, Ресу не мешало умыться. Оруженосец неуютно чувствовал себя в мокрой одежде, поэтому снял куртку и повесил ее на ветку дерева для просушки.

— Бросаться в огонь в сухой одежде неразумно, — проворчал он, устраиваясь на небольшом пеньке, и наблюдая, как приводит себя в порядок его спутник. — Это просто чудо, что вы не сгорели.

— Неразумно бросаться в горящий дом за минуту до того, как обвалится крыша. Даже в мокрой одежде, — возразил Рес.

— Но ведь вы же бросились! — воскликнул Дарнок.

— Если бы я этого не сделал, туда бы кинулись вы. И уж точно погибли!

— Черт побери! Значит, вы пошли на такой риск, чтобы опередить меня? Чтобы в горящий дом не полез я? — изумлению Дарнока не было предела.

— Ну, да. За полчаса до этого вы предупредили меня, чтобы я не ехал через лес. Я не люблю долго оставаться в долгу.

В течение нескольких минут оруженосец просто не знал, что сказать. Между тем юноша снял свою куртку, перепачканную сажей, умудрившись при этом не снимать ни меч, ни пояс с шипами, к которому он был подвешен, и достал из седельной сумки щетку. Сначала он вымыл в ручье лицо и руки, затем покрытые копотью сапоги. Против ожидания, роскошные кружева рубашки почти не пострадали, но штаны и куртка находились в самом плачевном состоянии. К счастью, ему удалось если не восстановить золотистый блеск дорогой ткани, то привести ее в относительно приличный вид при помощи воды и щетки. Спасенную куртку Рес повесил сушиться рядом с курткой Дарнока, а затем уютно устроился под деревом и извлек из седельной сумки плетеный из лозы дорожный короб, в котором обычно путешественники побогаче возили снедь.

— Хотите есть?

Только сейчас оруженосец понял, как проголодался. Он не рассчитывал на такую задержку в пути и поэтому не захватил с собой никаких припасов. Между тем его более запасливый спутник достал завернутый в чистую тряпицу козий сыр, каравай крестьянского хлеба, довольно приличный кусок хорошо прокопченной ветчины и бутылку местного кислого вина, разложил все это богатство на расстеленном куске полотна и принялся нарезать снесь извлеченным из голенища сапога острым ножом.

— Спасибо, не откажусь, — с благодарностью принял из рук Реса внушительный ломоть хлеба, увенчанный не менее значительным куском сыра.

Дарнока мучили легкие угрызения совести, что он в буквальном смысле слова ест чужой хлеб. Но он утешал себя мыслью, что будет иметь возможность устроить Ресу в замке гораздо более роскошное угощение, чем свежий крестьянский хлеб с ветчиной и кисловатое местное вино. Через минуту он уже активно поглощал нехитрый походный обед.

Быстро расправившись с хлебом и сыром, оруженосец потянулся за оставленным на импровизированной скатерти ножом, чтобы отрезать себе еще. Рес неожиданно извлек из травы за шкурку ту самую рыжую кошку.

— Отрежьте-ка мне кусочек ветчины и для этой путешественницы, — сказал он. — Это очень храбрая кошка. У неё обгорели усы, поэтому она теперь не сможет охотиться. Придется её кормить, пока усы не отрастут. Назовем её Искра. Она рыжая, как огонь.

Дарнок покачал головой, глядя как рыжий хвостатый комок шерсти самозабвенно облизывает тонкие аристократичные пальцы Реса.

— Станный вы человек. Похожи на знатного господина, но путешествуете один, без слуг. И перстней драгоценных не носите. Одеты богато и конь, который разве что графу впору, а костюм — единственный. И кошеля у пояса не видно. И меч простой, без украшений, как у какого-нибудь наемника.

— А я и есть наемник, — Рес поднял на оруженосца свои серьезные темно-серые глаза.

— Не похожи вы на наемника, — возразил Дарнок. — Я эту породу хорошо знаю. Сам был одним из них, пока не попал на службу к барону. Нет, вы не наемник. Слишком уж благородны.

— Кто бы говорил, — усмехнулся юноша. — Это я что ли гнался за незнакомым человеком, чтобы предупредить его об опасности путешествия в одиночку через лес? Или бросался в горящий дом, чтобы спасти двух деревенских детишек?

Щеки Дарнока слегка окрасил румянец.

— Бывают исключения, — буркнул он, опуская глаза.

— Вот я и есть исключение, — Рес стряхнул с колен крошки и уселся на траве, прислонившись к стволу дерева.

Рыжая кошка уютно свернулась клубком у него на коленях, лошади мирно паслись в тени.

— Это вы — странный человек, Дарнок. Не похожи ни на наемника, ни на оруженосца, — произнес Рес, продолжая начатый разговор.

— Это почему?

— Ну, если оставить в стороне не особо свойственное последним благородство, то вы слишком умны и образованы для простолюдина.

— Этому есть простое объяснение. Я — сирота и с малых лет воспитывался в монастыре Святого Горилия в Дежере. Монахи-воины научили меня читать и писать. Но как вы догадались, что я получил образование?

— У вас довольно правильная речь. Здесь это не часто встречается. Даже графы и бароны говорят так, что хоть уши затыкай.

— Здесь? Конечно, вы ведь родом из Артрозы. В столице образованных людей само собой побольше. А здесь — провинция.

— Не бывал я в вашей Артрозе. Но того, что видел по дороге сюда с Побережья, достаточно. Не